

УДК 572.08; 903.5; 903'1
DOI: 10.17223/19988613/69/20

А.А. Хохлов, А.П. Григорьев

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ АБАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Представлены сведения по краниологическим материалам из погребений абашевской культуры Поволжья и Приуралья, приведена информация по новой находке Имангулово-2е II Оренбуржья. На основе метода главных компонент многомерной статистики продемонстрирована резкая неоднородность древнего населения. Подкреплён тезис о заметном изменении физического облика абашевцев приуральской части ареала этой культуры по сравнению с исходным за счёт процессов ассимиляции местных групп.

Ключевые слова: краниология; абашевская культура; эпоха бронзы; Среднее Поволжье; Южное Приуралье.

По современным археологическим сведениям, ареал абашевской культуры, хронологически отождествляемый с финальным периодом средней бронзы (примерно XXII–XX вв. до н.э.), занимал преимущественно лесостепные районы Восточной Европы – от Поднепровья до Южного Зауралья.

На основе материальных источников и погребальных особенностей ее сближают, прежде всего, с балановской и фатьяновской, выводя из местных волосовских племен [1. С. 70–71], другие предполагают их связь в целом с блоком культур шнуровой керамики и боевых топоров Центральной и Западной Европы [2. С. 77], в том числе среднеднепровской [3. С. 82]. По мнению А.Х. Халикова [4. С. 28], истоки абашевской культуры можно видеть в ямной, а именно той группы, которая зафиксирована на северных окраинах ее распространения.

На определенном историческом этапе абашевские племена распространяются в лесостепном Урало-Поволжье, встречая на своем пути группы подвижных скотоводов полтавкинской культуры, проникают в районы Нижнего Поволжья и Южного Зауралья [5–8 и др.]. В целом они составляют один из важнейших компонентов зарождения кластера оригинальных культур – потаповской, покровской, синташтинской, ассоциируемых с Волго-Уральским очагом культурогенеза [9] и началом в регионе позднего этапа эпохи бронзы.

Палеоантропологические материалы абашевской культуры по-прежнему малочисленны, происходят в основном из погребений Среднего Поволжья и Приуралья. Первые поступившие для науки источники происходили из курганных могильников Чувашии. В них были выявлены разные краниологические комплексы, обозначаемые как негроидный / псевдонегроидный (Катергино-Бишево [10. С. 85; 11. С. 505]),

широко- и низколиций, европеоидный (Абашево, Олгаши, Тауш-Касы [10. С. 84; 11. С. 518; 12]), относительно узколиций, долихокранный (Пепкинский курган [4. С. 38; 11. С. 518]). Соответственно определениям и анализам предлагались разные версии их происхождения и связей. В частности, широколицые европеоиды могли быть связаны с носителями фатьяновской культуры Верхней Волги [12]. Долихокранные, относительно узколицы европеоиды, как и сравнительно близкие им балановцы, могли отчасти происходить и от южных популяций, в целом Кавказского региона [13. С. 345; 14], и даже ближневосточного [15. С. 105], и от населения западных культур с традициями шнуровой керамики [4. С. 43; 16].

В связи с выявленной учеными важнейшей ролью абашевской культуры в культурогенетических процессах восточноевропейских и западноазиатских племен бронзового века каждые вновь поступившие находки, даже единичные, вызывали повышенное внимание и пересматривались в контексте с обозначенными проблемами. Так было и с материалами Липецкого курганного могильника Среднего Дона [17, 18], по которым была показана их связь с таковыми абашевской культуры Чувашии, а также возможность влияния на население Доно-Волжской группы посткатакомбных степных и даже закавказских южноевропеоидных популяций.

Помимо этого, внимание было уделено волго-уральской группе абашевской культуры, в которую были включены ранее известные материалы Самарского Заволжья¹ и лесостепного Приуралья (мог. Съезжее I [20], Чуракаевский [21] и недавно поступившие (Малоялдашево I [22], Красиково I [23], Имангулово-2е II). К этой группе условно отнесены грунтовые погребения у горы Березовой (Буланово I) в Оренбуржском

Приуралье, где отмечены обряды и артефакты, свойственные одновременно и абашевскому, и синташтинскому, и сейминско-турбинскому населению [24].

Все эти материалы показали довольно высокий краниологический полиморфизм. Было отмечено присутствие так называемых уралоидных форм и черепов, видимо, метисного, европеоидно-уралоидного облика [20, 22, 25]. В одном случае (Буланово I, п. 8) зафиксировано наличие типичной монголоидности западносибирского происхождения [26].

На основании подобных наблюдений достаточно рано прозвучал вывод о том, что абашевское население, распространяясь на восток и ассимилируя местные племена, постепенно меняло свой физический облик [27. С. 42]. И это определенно подтверждается находками, добытыми уже в наше время усилиями отряда Оренбургской археологической экспедиции. В Приуралье физически это были уже не те абашевцы, знакомые нам по материалам Среднего Поволжья Чувашия края как сравнительно узколицые, резко профилированные европеоиды (из погребения Пепкинского кургана). Культурогенетические процессы, происходившие в регионе, осложнялись также влиянием носителей сейминско-турбинской культуры [28, 29], физический след которых прослеживается, как будто, на материалах того же Булановского могильника Приуралья [25, 30] и Грачевка II лесостепного Заволжья [31].

В связи с этим всегда вставал острый в науке вопрос о роли лесостепных, в первую очередь абашевских, коллективов в сложении культур потапово-синташтинского облика. Среди недавних поступлений в нашем распоряжении оказался скелет из курганного могильника Имангулово-2е II. Череп сравнительно хорошей сохранности, принадлежал мужчине зрелого возраста. По измерительным данным он мезокранный,

с низким мозговым сводом, довольно сильным макро-рельефом, имеет относительно низкий, широкий, резко профилированный по горизонтали лицевой отдел с сильно выступающими носовыми костями. По совокупности черт он европеоидный (табл. 1), морфологически тяготеет к широколицым вариантам, скорее, лесостепного происхождения. Имеется в виду возможная его связь с населением, оставившим, к примеру, могильники абашевской культуры Среднего Поволжья (Олгаши, Абашево, Тауш-Касы). Одновременно можно отметить низкий свод черепа, признак, который был в целом характерен для абашевцев Пепкинского кургана, зафиксирован он также на одном из черепов (п. 1, ск. 3) Липецкого кургана Среднего Подонья, встретился на черепах краниологической выборки срубной культуры Саратовской области, в чем усматривали влияние именно абашевского населения [32].

Параллельно нами был выполнен многомерный внутригрупповой анализ серии черепов из погребений абашевской культуры методом главных компонент². Для такой процедуры, с учетом необходимого для этого комплекса признаков и степени сохранности, оказались пригодными лишь 27 мужских и четыре женских черепа. Серия была увеличена за счет включения в нее женских черепов, размеры которых были пересчитаны через коэффициенты полового диморфизма [33. С. 123–124] на мужские, и отдельных черепов из захоронений в лесостепной части Волго-Уралья, синхронных абашевским. К таким относятся материалы вышеупомянутого могильника Буланово, а также погребения 1 у с. Гундоровка и курганного могильника Тамар-Уткуль VII, к. 4 п. 5 (вольско-либищенская культура). Сравнение проводилось по 16 измерительным признакам, нагрузки на которые представлены в табл. 2³.

Таблица 1

Индивидуальные данные черепов абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта лесостепного Волго-Уралья

Признаки	Имангуло-во-2е II, 7/3	Красиково I, 3/1	Съезжее I, п. 8	Съезжее I, п. 9	Малоюл- дашево, ск. 1	Малоюл- дашево, ск. 3	Малоюлдашево, ск. 2 (жен.)
1. Продольный диаметр	186,0	194,0	170,0	179,0	194,0	190,0	172,0??
8. Поперечный диаметр	141,5	146,0	130,0	138,0	134,0	146,0	—
8/1. Черепной ук.	76,1	75,3	76,5	77,1	69,1	76,8	—
20. Ушная высота	113,0	120,0	109,0	115,0	116,0	122,0	—
17. Высотный диаметр	127,0	145,0	128,0	129,0	—	130,0	—
9. Наим. ширина лба	100,0	102,0	89,0	96,0	101,0	99,0	92,0
43. Верх. ширина лица	109,0	113,0	—	—	107,0	115,0	102,0
45. Скуловой диаметр	143,0	145,0	122,0	127,0	107,0	115,0	124,0??
48. Верх. высота лица	68,5	65,0	62,0	62,0	125,5	142,0	66,5
51. Ширина орбиты	43,3	47,4	40,0	43,0	40,0	45,6	—
52. Высота орбиты	31,2	31,7	29,5	31,0	35,5	32,5?	—
52/51. Орбитный ук.	72,1	66,9	73,8	72,1	88,8	—	—
54. Ширина носа	24,0	25,6	22,5	23,0	23,8	24,2	—
55. Высота носа	52,0	47,8	46,5	47,0	52,5	54,0	—
54/55. Носовой ук.	46,2	53,6	48,4	48,9	45,3	44,8	—
sc. Симотич. ширина	9,1	10,0	9,4	8,1	10,0	8,7	8,4
ss. Симотич. высота	4,5	5,4	4,0	3,0	4,4	3,9	3,9
ss/sc. Симотич. ук.	49,5	54,0	42,6	37,0	44,0	44,8	46,4
32. Угол наклона лба	81,0°	81,0°	81,0°	86,0°	78,0°	79,0	—
72. Общелицевой угол	83,0°	88,0°	85,0°	89,0°	83,0°	85,0°	—
74. Уг. альвеол. части	73,0°	84,0°	76,0°	83,0°	68,0°	78,0°	—
75(1). Уг. выступ. носа	32,0°	34,0°	29,0°	24,0°	23,0°	21,0°?	30,0°?
77. Назомаляр. угол	136,0°	136,0°	137,2°	138,8°	129,0°	136,0°	140,0°
zm. Зигомаксил. угол	124,5°	127,5°	132,7°	138,4°	124,0°	134,0°	134,0°

Таблица 2

**Нагрузки на главные компоненты во внутригрупповом анализе суммарной краниологической серии
абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта лесостепного Волго-Уралья**

Признак	ГК-1	ГК-2	ГК-3
1. Продольный диаметр	0,618636	0,347491	0,077388
8. Поперечный диаметр	0,437077	-0,727119	-0,253063
20. Ушная высота	0,426263	-0,438382	0,072137
9. Наим. ширина лба	0,703508	-0,155611	-0,269782
45. Скуловой диаметр	0,645788	-0,462954	-0,241269
48. Верхняя высота лица	0,614223	0,434730	0,301129
51. Ширина орбиты	0,519340	0,044356	-0,543786
52. Высота орбиты	0,341535	0,138948	-0,230897
54. Ширина носа	0,415801	0,111053	-0,010534
55. Высота носа	0,395478	0,696166	0,163852
32. Угол наклона лба	0,019824	-0,452642	-0,137993
72. Общелицевой угол	-0,103663	0,319540	-0,586115
74. Уг. альвеолярной части	-0,261668	0,558509	-0,693651
75(1). Уг. выступания носа	-0,264471	0,153170	-0,627542
77. Назомалярный угол	-0,288841	-0,367098	-0,419058
zm. Зигомаксиллярн. угол	-0,284671	-0,568574	0,116144

Выделены признаки с наибольшими нагрузками, достоверными для ранжирования черепов. Был построен график распределения кальвариумов в пространстве

ГК-I и ГК-II (рис. 1). В его четырех секторах прописаны сочетания признаков, по которым можно проследить тенденции морфологических различий черепов.

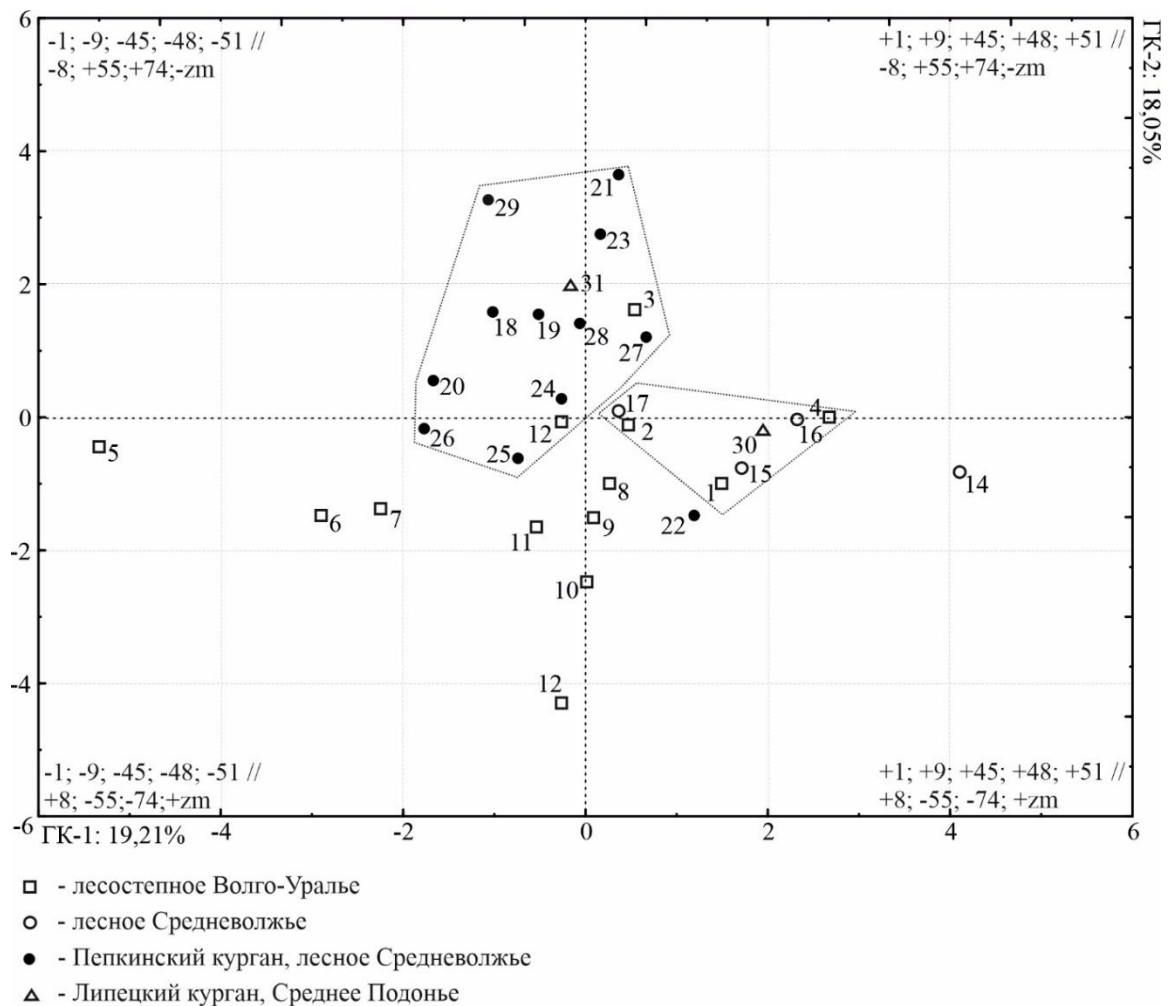

Рис. 1. Расположение черепов абашевско-синташтинского культурно-хронологического горизонта в пространстве ГК-1 и ГК-2:
1 – Красиковский I, 3/1; 2 – Имангулово-2е II, 7/3; 3 – Малоюлдашево, ск. 1; 4 – Малоюлдашево, ск. 3; 5 – Съезжее I, п. 8; 6 – Съезжее I, п. 9;
7 – Тамар-Уткуль VII, 4/5; 8 – Гундоровка, п. 1; 9 – Чуракаевский, огр. А, п. 5; 10–13 – Буланово I, п. 4, 5, 6 ск. 2, 9; 14 – Катергино-
Бишево, к. 1; 15 – Олгаши, к. 5; 16, 17 – Тауш-Касы, 1/1, 5/1; 18–29 – Пепкинский курган, п. 1; 18 – ск. б/н; 19 – ск. 3; 20 – ск. 6; 21 – ск. 7;
22 – ск. 8; 23 – ск. 9; 24 – ск. 12, 25 – ск. 13б; 26 – ск. 14; 27 – ск. 15; 28 – ск. 21; 29 – ск. 25; 30 – Липецкий курган № 2, п. 1, ск. 1;
31 – Липецкий курган № 2, ск. 3

На графике выделены, во-первых, две совокупности Среднего Поволжья, одна из которых включает практически все пепкинские черепа (за исключением № 8), вторая в составе других объектов этого же региона (Тауш-Касы, Олгаши). Как было сказано выше, эти группы морфологически различаются: первая – в сторону проявления особых южноевропеоидных черт, а вторая – более матуризованная, с широким и низким лицом. И на графике обе они заняли разные позиции. Один череп из этого же региона (Катергино-Бишево), морфологически своеобразный (псевдонегроидный), и здесь занял обособленное положение, но ближе к олгашинско-тауш-касинской группе. Черепа этой средневолжской выборки морфологически связывались с фатьяновской Волго-Окского междуречья и некоторыми степными [10–12]. На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что они не имеют такой резкой профилировки по углу выступания носа (за исключением Олгаши) и зигомаксиллярному признаку, какие свойственны фатьяновским выборкам. Возможно, в них проявляются черты какого-либо местного древнего субстрата. К слову сказать, широколицые, умеренно профилированные черепа и отдельные выборки известны для территорий лесной полосы Восточной Европы неолитического времени, к примеру, культур ямочно-гребенчатой керамики и волосово.

Оба черепа Липецкого кургана № 2 Среднего Подонья вошли в разные средневолжские группы – пепкинскую и тауш-касинскую, что на самом деле, судя по их морфологическим характеристикам, вполне оправданно.

Череп лесостепной части Волго-Уралья занимают на графике более обширное пространство по сравнению со средневолжскими, показывая, таким образом, и большее морфологическое разнообразие. В этой группе особое место занимают черепа могильников Съезжее I и Тамар-Уткуль VII, интерпретируемые по морфологическим характеристикам как древнеуральские [20, 25]. Также обособленная позиция у некоторых булановских черепов (п. 4, 9), в захоронениях которых были обнаружены артефакты сейминско-турбинского типа [24]. Черепа из Красиково, Имангулово-2е и Малоюлдашево (ск. 3) входят в тауш-касинскую группу. Это интересно с точки зрения отнесения их, в представлении авторов археологического изучения [34, С. 52; 35, С. 36; 36, С. 221], к абашевско-синташтинскому культурно-хронологическому горизонту.

Абашевская культура вызывает большую заинтересованность у специалистов вследствие неоднократно отмечаемых на скелетах людей случаев травматизации. Пожалуй, впервые об этом заговорили при рассмотрении материалов знаменитого Пепкинского кургана Чувашии, в котором была изучена коллективная могила, содержащая 27 мужских скелетов, погибших в результате военного столкновения [4]. Позднее эта тема неоднократно поднималась [37–40] с целью уточнения характера травм, типа травмируемых орудий и, соответственно, выявления по их особенностям потенциального противника абашевцев. Следы трав-

матики были обнаружены и на скелетах из погребений этой культуры других районов в Подонье (Липецкий курган [17]), Нижнем Поволжье (мог. Студеновский [40]), Приуралье (Малоюлдашево [34, С. 52]).

В последнем случае среди близко захороненных трех человек один из них (ск. 3) рассматривается как «жертва» [35]. Подчеркнем, что все три черепа из Малоюлдашево морфологически разные [22, С. 62]. На графике (см. рис. 1) эти черепа, в данном случае мужские, заняли разное положение: один из них (ск. 1, основной) оказался в пепкинской группе, а другой (ск. 3, «жертва») – в тауш-касинской. Это наводит на определенные мысли о различном происхождении противников. В обобщающей работе по сумме травм на скелетах людей из погребений археологических культур энеолита-бронзы Волго-Уралья было отмечено максимальное количество таких повреждений именно для абашевского и включительно вольско-лбищенского населения (33,3%) [41, С. 273–275]. На новой находке из Имангулово-2 также фиксируется повреждение в виде прижизненного перелома как минимум двух пястных костей кисти, правда, оно может быть и бытового характера.

Все это можно более уверенно интерпретировать как свидетельство высокой социальной напряженности и наличия воинских столкновений на территории Волго-Уралья в период начала культурных трансформаций в регионе.

Суммируя все имеющиеся результаты изучения краниологических материалов абашевской культуры Восточной Европы, следует отметить, как указывалось и ранее рядом исследователей, высокую степень полиморфизма их носителей. Это определенно свидетельствует в пользу разносторонних контактов абашевских групп, коммуникабельность которых оказала значительное влияние на рождение волго-уральского очага культурогенеза в период финала средней бронзы. Свойство активной интеграции, включение инородных групп в состав новых, формирующихся в пограничье Европы и Азии культур унаследовали потапово-синташтинские коллективы. Искомый физический след абашевцев в составе их территориальных последователей южноуральской географической провинции по-прежнему обнаружить сложно. Однако все очевиднее, в первую очередь по материалам Волго-Уралья, прорисовывается картина, на которой в составе культур потапово и синташты компоненты абашева могут быть выявлены в лице краниологических комплексов с наличием той или иной доли уралоидных черт [25, 42 и др.], проявляющихся не только в материалах абашевской и вольско-лбищенской культур волго-уральской лесостепи, но и среди широколицей тауш-касинской группы Среднего Поволжья. Вместе с тем нужно еще раз подчеркнуть, что при формировании потаповско-синташтинского населения зафиксировано, в том числе по результатам антропологических анализов [25, 42–44 и др.], участие также представителей сеимско-турбинской культуры и носителей курганных традиций поволжско-казахстанских степей, весовую долю которых еще предстоит уточнять.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Погребения 8, 9 грунтового могильника Съезжее I ранее рассматривались как энеолитические [19. С. 168–169], в современной интерпретации определены как абашевские [7. С. 96].

² Процедура проведена с помощью программы Statistica 8.

³ В этих расчетах также пришлось прибегнуть к восстановлению некоторых недостающих для черепов признаков за счет запрограммированных свойств данного метода (Statistica 8).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М. : Наука, 1970. 176 с.
2. Кузьмина Е.Е. Абашево, Синташта и происхождение индоиранцев // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие : материалы международной научной конференции. Чебоксары, 2003. С. 76–77.
3. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М. : АН СССР. 1961. С. 43–96. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 97).
4. Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1966. 69 с.
5. Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. СПб., 1992. 16 с.
6. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племён на Волге. Самара : Самарский ун-т, 1994. 207 с.
7. Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. 2000. С. 85–122.
8. Горбунов В.С. Некоторые проблемы культурно-генетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. Свердловск, 1990. 30 с. (Препринт / ИИА УрО АН СССР).
9. Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте : материалы семинара. СПб. : ИИМК РАН, 1991. С. 24–27.
10. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 391 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 4).
11. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 584 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер.; т. 28).
12. Акимов М.С. Палеоантропологические материалы с территории чувашской АССР // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1955. Вып. 23. С. 78–92.
13. Акимов М.С. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Балановский могильник (из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М., 1963. С. 322–362.
14. Казарницкий А.А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы : дис... канд. ист. наук : 03.02.02. СПб., 2010. 176 с.
15. Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительном освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. Вып. 1–10, т. 1. С. 101–105.
16. Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы : антропологический очерк. СПб. : Наука, 2012. 264 с.
17. Казарницкий А.А. Новые краниологические материалы из Липецкого кургана № 2 (к вопросу о формировании степного и лесостепного населения Восточной Европы в эпохи средней и поздней бронзы) // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2012. № 7. С. 74–88.
18. Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Васильев С.В., Тюрин Р.А. Антропологические особенности населения абашевской культуры Подонья (по материалам могильника Второй Липецкий курга) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 143–163.
19. Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980. С. 136–183.
20. Хохлов А.А. Раритетные палеоантропологические материалы эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья // Известия самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 6. С. 248–251.
21. Акимов М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М. : Наука, 1968. 118 с.
22. Хохлов А.А., Китов Е.П. Теоретические и практические аспекты проблемы происхождения физического облика носителей культур синташтинского круга // Поволжская археология. Казань, 2019. Вып. 1 (27). С. 59–71.
23. Хохлов А.А., Григорьев А.П. Морфологические характеристики антропологической выборки курганного могильника эпохи бронзы Красиковский I // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2019. Вып. 14. С. 69–80.
24. Халяпин М.В. Первый бескурганный могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 417–424.
25. Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара : СГСПУ, 2017. 368 с.
26. Хохлов А.А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 30, № 6 (144). С. 8–11.
27. Хохлов А.А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция : тез. докл. Уфа, 1996. С. 42–44.
28. Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 114–123.
29. Ткачев В.В. Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в урало-казахстанских степях // Уфимский археологический вестник. 2001. Вып. 3. С. 3–14.
30. Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. Вып. 30, № 6 (144). С. 5–7.
31. Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д., Хохлов А.А., Энтони Д.У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара : СГСПУ, 2018. 190 с.
32. Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.
33. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука, 1964. 126 с.
34. Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург : Оренбург. гос. аграрный ун-т, 2016. 196 с.
35. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2019. Вып. 14. С. 4–39.

36. Купцова Л.В., Евгеньев А.А. Новые погребальные комплексы абашевской культуры в Оренбургском Предуралье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции) : к 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва. СПб. : ИИМК РАН, Невская тип., 2019. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). С. 219–222.
37. Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Вост. лит. 1999. С. 200–216.
38. Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992. 128 с.
39. Кузнецов П.Ф. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара : Самарский ун-т, 2004. Вып. 2. С. 146–154.
40. Медникова М.Б., Бужилова А.П. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения // Российская археология. 2002. № 2. С. 162–164.
41. Хохлов А.А., Китов Е.П. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2019. № 2. С. 267–280.
42. Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии). Самара : ПГСГА, 2014. С. 131–142.
43. Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
44. Китов Е.П., Хохлов А.А., Медведева П.С. Данные палеоантропологии как источник для реконструкции процесса сложения и социальной стратификации общества (по материалам синташтинских и потаповских памятников бронзового века) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. СПб.; СПб. ; Кишинев ; Одесса ; Бухарест, 2018. № 2. С. 225–243.

Alexander A. Khokhlov, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Artem P. Grigorev, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: grap9@bk.ru

CRANIOLOGICAL MATERIALS FROM THE BURIALS OF THE ABASHEV CULTURE OF THE FINAL MIDDLE BRONZE AGE IN THE VOLGA AND URAL REGIONS

Keywords: craniology; Abashevo culture; Bronze Age; Volga region; Urals region.

The paper analyzes the old and new cranial material from burials Abashevo Volga and Ural culture of the Bronze Age in order to identify its constituent components and their anthropological origin. Particular attention was focused on the materials of the Volga-Ural forest-steppe group, which included the sources from excavations of recent years (Maloyuldashevo I, Krasikovo I, Imangulovo I). Sources analyzed by individually-typological diagnostics and multivariate statistics. The total series of skulls showed a rather high intragroup craniological polymorphism.

On the skeletons from the burials of the Abashev culture in different regions of localization, the Middle and Lower Volga regions, Don and Ural regions as a whole, quite numerous traces of trauma (33.3 % of all individuals) of a different nature were found. In total, this is the highest indicator among other cultures of the Bronze Age of the Volga-Ural region. This can be confidently interpreted as evidence of high social tension and the presence of military clashes in the Volga-Ural region during the period of the beginning of cultural transformations in the region.

This definitely testifies in favor of the many-sided contacts of the Abashev groups, which at certain periods of time, apparently, were also accompanied by rather active hostilities. The previously voiced conclusion is supported, according to which the Abashev population, spreading to the east and assimilating local tribes, gradually changed its physical appearance.

The high sociability of the Abashevites had a significant impact on the birth of the Volga-Ural focus of cultural genesis during the final of the Middle Bronze Age. The Potapov-Sintashta collectives inherited the property of active integration, the inclusion of foreign groups in the new cultures emerging in the borderlands of Europe and Asia. The sought-after physical trail of the Abashevites as part of their territorial followers of the South Ural geographical province is still difficult to find. However, it is more and more obvious, first of all, based on the materials of the Volga-Ural region, a picture is drawn in which, in the composition of the Potapovo and Sintashta cultures, the Abashev components can be identified in the face of craniological complexes with the presence of one or another proportion of uraloid features, which are manifested not only in the materials of Abashevskaya and Volsko-Ibischenskaya cultures of the Volga-Ural forest-steppe, but also among the broad-faced Taush-Kassa group of the Middle Volga region.

REFERENCES

1. Bader, O.N. (1970) *Basseyin Oki v epokhu bronzy* [The Oka Basin in the Bronze Age]. Moscow: Nauka.
2. Kuzmina, E.E. (2003) Abashevo, Sintashta i proiskhozhdenie indoirantsev [Abashevo, Sintashta and the origin of the Indo-Iranians]. In: Bochkarev, V.S. & Korenevsky, S.N. (eds) *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie* [The Abashevo Common Historical Culture: Genesis, Development, Heritage]. Cheboksary, 200. pp. 76–77.
3. Efimenko, P.P. & Tretyakov, P.N. (1961) *Abashevskaya kul'tura v Povolzh'e* [The Abashevo culture in the Volga region]. In: Merpert, N.Ya. (ed.) *Abashevskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e* [The Abashevo Culture in the Middle Volga Region]. Moscow: USSR AS. pp. 43–96.
4. Khalikov, A.Kh., Lebedinskaya, G.V. & Gerasimova, M.M. (1966) *Pepkinskiy kurgan (abashevskiy chelovek)* [The Pepkino Mound (the Abashevo man)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe kn. izd-vo.
5. Malov, N.M. (1992) *"Abashevskie plemena" Nizhnego Povolzh'ya* [The "Abashevo tribes" of the Lower Volga region]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Vasiliev, I.B., Kuznetsov, P.F. & Semenova, A.P. (1994) *Potapovskiy kurgannyy mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [The Potapovo burial mound of Indo-Iranian tribes on the Volga]. Samara: Samara State University.
7. Kuzmina, O.V. (2000) *Abashevskaya kul'tura v Samarskom Povolzh'e* [The Abashevo culture in the Samara Volga region]. In: Kabytov, I.S. (ed.) *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Bronzovyy vek* [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. The Bronze Age]. 2000. pp. 85–122.
8. Gorbunov, V.S. (1990) *Nekotorye problemy kul'turno-geneticheskikh protsessov epokhi bronzy Volgo-Ural'ya* [Some problems of cultural and genetic processes of the Bronze Age of the Volga-Ural region]. Sverdlovsk: UrB RAS.

9. Bochkarev, V.S. (1991) Volgo-Ural'skiy ochag kul'turogeneza epokhi pozdney bronzy [The Volga-Ural center of cultural genesis of the Late Bronze Age]. In: Masson, V.M. (ed.) *Sotsiogenez i kul'turogenez v istoricheskom aspekte* [Sociogenesis and Cultural Genesis in the Historical Aspect]. St. Petersburg: RAS. pp. 24–27.
10. Debets, G.F. (1948) *Paleoantropologiya SSSR* [Paleoanthropology of the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Gerasimov, M.M. (1955) *Vosstanovlenie litsa po cherepu* [Facial reconstruction based on the skull]. Moscow: USSR AS.
12. Akimova, M.S. (1955) Paleoantropologicheskie materialy s territorii chuvashskoy ASSR [Paleoanthropological materials from the territory of the Chuvash ASSR]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. 23. pp. 78–92.
13. Akimova, M.S. (1963) Paleoantropologicheskie materialy iz Balanovskogo mogil'nika [Paleoanthropological materials from the Balanovo burial ground]. In: Bader, O.N. *Balanovskiy mogil'nik (iz istorii lesnogo Povolzh'ya v epokhu bronzy)* [The Balanovo burial ground (from the history of the forest Volga region in the Bronze Age)]. Moscow: USSR AS. pp. 322–362.
14. Kazarnitsky, A.A. (2010) *Paleoantropologiya epokhi bronzy stepnoy polosy yuga Vostochnoy Evropy* [Paleoanthropology of the Bronze Age of the steppe zone of the south of Eastern Europe]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Shevchenko, A.V. (1993) Paleoantropologiya srubnikov Povolzh'ya v sravnitel'nom osveshchenii [Paleoanthropology of the Volga region loggers in comparative aspect]. In: Malov, N.M. (ed.) *Pamyatniki srubnoy kul'tury. Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e* [Monuments of the log culture. Volga-Ural interfluvium]. Saratov: Saratov State University. pp. 101–105.
16. Kazarnitsky, A.A. (2012) *Naselenie azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy: antropologicheskiy ocherk* [The population of the Azov-Caspian steppes in the Bronze Age: an anthropological sketch]. St. Petersburg: Nauka.
17. Kazarnitsky, A.A. (2012) Novye kraniologicheskie materialy iz Lipetskogo kurgana № 2 (k voprosu o formirovaniy stepnogo i lesostepnogo naseleniya Vostochnoy Evropy v epokhi sredney i pozdney bronzy) [New craniological materials from Lipetsk Kurgan No. 2 (on the formation of the steppe and forest-steppe population of Eastern Europe in the Middle and Late Bronze Age)]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN*. 7. pp. 74–88.
18. Gerasimova, M.M., Borutskaya, S.B., Vasiliev, S.V. & Tyurin, R.A. (2016) Anthropological Characteristics of the Don Region Population of Abashevo Culture (Based on the Burial Mound Second Lipetsk). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya – Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 18. pp. 143–163. (In Russian).
19. Shevchenko, A.V. (1980) Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya cherkaskul'skoy kul'tury i voprosy ego rasogeneza [Anthropological characteristics of the population of the Cherkaskul culture and questions of its race genesis]. In: Gokhman, I.I. (ed.) *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern Problems and New Methods in Anthropology]. Leningrad: Nauka. pp. 136–183.
20. Khokhlov, A.A. (2010) Raritety paleoantropologicheskie materialy epokhi sredney bronzy Samarskogo Povolzh'ya i Priural'ya [Rare paleoanthropological materials of the Middle Bronze Age of the Samara Volga and Ural regions]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra RAN – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 12(6). pp. 248–251.
21. Akimova, M.S. (1968) *Antropologiya drevnego naseleniya Priural'ya* [Anthropology of the Ancient Population of the Urals]. Moscow: Nauka.
22. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2019) Origins of the Physical Appearance of the Sintashta Circle of Cultures People of the Bronze Age: theoretical and practical aspects. *Povolzhskaya arkheologiya – The Volga River Region Archaeology*. 1(27). pp. 59–71. (In Russian).
23. Khokhlov, A.A. & Grigoriev, A.P. (2019) Morfologicheskie kharakteristiki antropologicheskoy vyborki kurgannogo mogil'nika epokhi bronzy Krasikovskiy I [Morphological characteristics of the anthropological sample of the Krasikovskiy I Bronze Age burial mound]. In: Morgunova, N.L. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg Region]. Vol. 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. pp. 69–80.
24. Khalyapin, M.V. (2001) Pervyy beskurgannyi mogil'nik sintashtinskoy kul'tury v stepnom Priural'e [The first burial ground of the Sintashta culture in the steppe Urals]. In: Kovalev, Yu.I. & Gorodtsov, V.A. (eds) *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: kharakteristika kul'tur, khronologiya i periodizatsiya* [The Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization]. Samara: NTTs. pp. 417–424.
25. Khokhlov, A.A. (2017) *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolit-bronzovogo veka)* [Morphogenetic processes in the Volga-Urals in the early Holocene (based on craniological materials of the Mesolithic-Bronze Age)]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University.
26. Khokhlov, A.A. (2009) K voprosu o mongoloidnykh cherepakh epokhi bronzy Volgo-Ural'ya [On the Mongoloid turtles of the Bronze Age of the Volga-Ural region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 30(6). pp. 8–11.
27. Khokhlov, A.A. (1996) Ob abashevskom antropologicheskom komponente v mogil'nikakh zapadnykh rayonov sintashtinsko-potapovskoy kul'turnoy obshchnosti [On the Abashevo anthropological component in the burial grounds of the western regions of the Sintashta-Potapov cultural community]. *Uralo-Povolzhskaya studencheskaya konferentsiya* [The Ural-Volga Student Conference]. pp. 42–44.
28. Bochkarev, V.S. (1995) Kul'turogenez i razvitie metalloproduktstva v epokhu pozdney bronzy (po materialam yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy) [Cultural genesis and development of metal production in the Late Bronze Age (based on materials from the southern half of Eastern Europe)]. In: Vasiliev, I.B. (ed.) *Drevnie indoiranskoe kul'tury Volgo-Ural'ya (II tys. do n.e.)* [Ancient Indo-Iranian Cultures of the Volga-Ural Region (II millennium BC)]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University. pp. 114–123.
29. Tkachev, V.V. (2001) Seyminko-turbinskiy fenomen i kul'turogenez pozdney bronzovogo veka v uralo-kazakhstanskikh stepyakh [Seima-Turbino phenomenon and cultures ogenesis of the Late Bronze Age in the Ural-Kazakh steppes]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik – The Ufa Archaeological Herald*. 3. pp. 3–14.
30. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2009) Predvaritel'noe soobshchenie o paleoantropologicheskom materiale epokhi sredney bronzy mogil'nika Bulanovo I [Preliminary report on the paleoanthropological material of the Middle Bronze Age from the Bulanovo I burial ground]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 6(144). pp. 5–7.
31. Kuznetsov, P.F., Mochalov, O.D., Khokhlov, A.A. & Anthony, D.U. (2018) *Grachevskie kurgany. Arkheologiya, antropologiya, genomnyy analiz* [Grachevo Burial Mounds. Archaeology, Anthropology, Genomic Analysis]. Samara: Samara State Social and Pedagogical University.
32. Shevchenko, A.V. (1986) Antropologiya naseleniya yuzhno-russkikh stepey v epokhu bronzy [Anthropology of the population of the southern Russian steppes in the Bronze Age]. In: Gokhman, I.I. & Kozintsev, A.G. (eds) *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad: Nauka. pp. 121–215.
33. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964) *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Anthropological Research Methodology]. Moscow: Nauka.
34. Evgeniev, A.A., Kuptsova, L.V., Mukhametdinov, V.I., Roslyakova, N.V., Usachuk, A.N., Fayzullin, I.A. & Khokhlov, A.A. (2016) *Poselenie Maloyuldashevo I epokhi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzh'e* [The settlement of Maloyuldashevo of the 1st Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg region]. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
35. Morgunova, N.L., Evgeniev, A.A., Kryukova, E.A., Kharlamov, P.V., Fayzullin, A.A. & Golieva, A.A. (2019) Kurgannyi mogil'nik Krasikovskiy I bronzovogo veka v Orenburgskoy oblasti [The Krasikovo burial mound of the I Bronze Age in the Orenburg region]. In: Morgunova, N.L. (ed.) *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg Region]. Vol. 14. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute. pp. 4–39.
36. Kuptsova, L.V. & Evgeniev, A.A. (2019) Novye pogrebal'nye komplekсы abashevskoy kul'tury v Orenburgskom Predural'e [New burial complexes of the Abashevo culture in the Orenburg Cis-Urals]. In: Alekshin, V.A. & Kircho, L.B. (eds) *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)* [Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the Context of Connections and Interactions within the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)]. Vol. 2. St. Petersburg: RAS, Nevskaya tip. pp. 219–222.

37. Mednikova, M.B. & Lebedinskaya, G.V. (1999) Pepkinskiy kurgan: dannye antropologii k interpretatsii pogrebeniy [The Pepkino mound: anthropological data for the interpretation of burials]. In: *Pogrebal'nyy obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleniy* [The funeral rite: the reconstruction and interpretation of the ancient ideological representations]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 200–216.
38. Kuzmina, O.V. (1992) *Abashevskaya kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e* [The Abashevo culture in the forest-steppe Volga-Urals]. Samara: [s.n.].
39. Kuznetsov, P.F. (2004) Pepkinskiy kurgan kak otrazhenie konfrontatsii v nachal'nyy period formirovaniya novoy kul'turno-istoricheskoy epokhi bronzovogo veka Evropy [The Pepkino mound as a reflection of confrontation in the initial period of the formation of a new cultural and historical era of the Bronze Age of Europe]. *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ya*. 2. pp. 146–154.
40. Mednikova, M.B. & Buzhilova, A.P. (2002) K voprosu o travmaticheskikh povrezhdeniyakh sredi abashevskogo naseleniya [On traumatic injuries among the Abashevo residents]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 162–164.
41. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2019) Defekty travmaticheskogo proiskhozhdeniya na paleoantropologicheskikh materialakh epokhi rannego metalla Volgo-Ural'ya [Defects of traumatic origin on paleoanthropological materials of the early metal era of the Volga-Ural region]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2. pp. 267–280.
42. Khokhlov, A.A. & Kitov, E.P. (2014) Spetsifika antropologicheskogo sostava nositeley potapovo-sintashtinskiy kul'turnykh traditsiy (po kраниологическим материалам Povolzh'ya i Urala perekhodnogo vremeni ot sredney k pozdney bronze) [The specificity of the anthropological composition of the carriers of the Potapov-Sintashta cultural traditions (based on craniological materials of the Volga region and the Urals of the transitional period from the Middle to Late Bronze)]. In: Khokhlov, A.A. et al. *Protsess kul'turogeneza nachal'noy pory pozdnego bronzovogo veka Volgo-Ural'skogo regiona (voprosy khronologii, periodizatsii, istoriografii)* [The process of cultural genesis of the initial period of the Late Bronze Age in the Volga-Ural region (chronology, periodization, historiography)]. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy. pp. 131–142.
43. Khokhlov, A.A., Solodovnikov, K.N., Rykun, M.P., Kravchenko, G.G. & Kitov, E.P. (2016) Craniological data on the problem of relationship between populations of the Early Bronze Age Yamnaya and Afanasyevo cultures. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(34). pp. 86–106. (In Russian). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-086-106
44. Kitov, E.P., Khokhlov, A.A. & Medvedeva, P.S. (2018) Dannye paleoantropologii kak istochnik dlya rekonstruktsii protsessa slozheniya i sotsial'noy stratifikatsii obshchestva (po materialam sintashtinskiy i potapovskikh pamyatnikov bronzovogo veka) [Paleoanthropological data as a source for the reconstruction of the process of addition and social stratification of society (based on the materials of Sintashta and Potapovo sites of the Bronze Age)]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2. pp. 225–243.